

ANCORA DA CAPO: ОБ «ЭЛЕГИИ» АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО¹

А. Б. Устинов
(Сан-Франциско)

стекло морщинится не хочет
а он стекло представь щекочет
и сам хохочет

александрведенский

люди в страхе рассуждают:
кто сей всадник? объясните!
в нас, от страха, мысли тают,
рвутся нервов наших нити.

Даниил Хармс

в трельяж и в зеркало второе
всмотритесь пристальней, и вы
увидите портрет героя
на фоне мчащейся Невы...

Иосиф Бродский

«Элегия» – безусловно, самая известная «вещь» Александра Введенского. Это единственное из его произведений, которое стало предметом отдельной монографии – с подзаголовком «Равнение на смерть» (см.: Буров, Ладенкова 2017), парафразой последних строк этого стихотворения:

На смерть на смерть держи равнение
Певец и всадник бедный².

¹ Моя искренняя признательность Ильдару Галееву за предоставление копий автографов из своего собрания, а также Жан-Филиппу Жаккару и Игорю Лоцилову за «приглашение меня подумать» о двух обэриутских элегиях.

² Поскольку автографов «Элегии» не сохранилось, мы пользуемся списком Н. И. Харджиева, сохранившимся в его архиве в Музее Стеделейк (Амстердам). В иных

Вряд ли возможно даже представить, что, сочиняя свою «Элегию» в первую очередь как опыт деконструкции балладного стиха и элегии как жанра лирической поэзии, Введенский предполагал, что его «øарлушка», по слову Хармса, заслужит такое признание и раскат интерпретаций³. Этот стилистический экзерсис продолжает вызывать толкования, одно серьезнее другого, что противоречит биографическому настрою «Элегии», написанной Введенским в первую очередь как «алаверды» другу-øбøируту Игорю Бахтереву. Основной причиной этого перекоса является отмеченная Александром Скиданом «нервная обстановка, сложившаяся вокруг текстологии, комментирования, юридических, моральных и прочих прав на издание (и подготовку к изданию)» произведений Введенского (Скидан 2011: s. p.).

Сам поэт, напротив, никогда не показывал особой серьезности в отношении к своим «вещам». Николай Харджиев вспоминал Введенского как «замечательного человека», считал, что «“Элегия” – это гениальное, эпохальное произведение», но признавал, что ее автор «был непутевый, распутник, безобразник, никогда не смеялся, улыбался только» (Голубкина-Врубель 1995: s. p.). Впрочем, Харджиев, в свою очередь, декламировал «Элегию», по воспоминаниям молодого

изданиях стихотворение печаталось по «копии Я. С. Друскина, сделанной до войны, так же как копии Вс. Н. Петрова и В. В. Стерлигова, с несохранившейся рукописи, переписанной Д. Хармсом» (Введенский 1993, 2: 198) – на рубеже 1920–1930-х гг., добавлю я, исходя из контекста бытования «Элегии». В книге А. Введенского «Всё» стихотворение дано «по рукописному автографу» (Введенский 2011: 325), на самом деле неполному черновику, поэтому «отсутствующие фрагменты» (Там же) при публикации позаимствованы из списка Друскина, который отметил в примечании: «Элегия переписана мною с автографа, в крайнем случае с хорошо проверенной копии, сделанной Д. Хармсом» (Там же). Заключительное двустишие дано в следующем виде:

На смерть! На смерть! держи равнение
поэт и всадник бедный (Введенский 2011: 263), –

а в комментарии сказано: «в копии Друскина: *на смерть, на смерть*; у Петрова и у Глебовой без знаков препинания» (Там же: 326). Таким образом, можно считать, что использование восклицательного знака и обращение «поэт» являются окказионализмами приводимого варианта «Элегии», который впервые был напечатан в книге пасынка Введенского: Викторов 2009: 211–213.

³ См. анализ разномастных подходов к «Элегии» в устанавливающей контекст работе Корнелии Ичин: Ичин 2002: 219–221.

современника, «как эпитафию своему времени» (Дуганов 1997: 14)⁴. Эта «вещь» была безоговорочно рассчитана на декламацию – мемуаристы не без восторга вспоминали, как поэт читал свои произведения. Так, в 1938 г. Николай Асеев, прослушав серию стихотворений в авторском исполнении, надписал одну из своих книжек: «Александр Введенскому, детскому и недетскому» (Введенский 1993, 1: 5). Игорь Владимирович Бахтерев рассказывал, что Введенский читал «Элегию», закурив и ритмически поводя рукой с папиросой в такт восьмистишиям. «Татьяна Николаевна Глебова передала мне, – замечал Яков Друскин, – что Введенский перед чтением *Элегии* сказал: это стихотворение отличается от моих прежних вещей. И еще до того, как Татьяна Николаевна передала мне слова Введенского, мне казалось, что *Элегия* – единственная вещь Введенского, в которой нет “звезды бессмыслицы”» (Введенский 2017: 326)⁵.

На протяжении многих лет комментированные публикации «Элегии» неоправданно обходились без должной отсылки, что взятый поэтом – без указания автора – эпиграф:

Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я⁶ –

⁴ М. Мейлах также сообщал, что «Харджиев накануне войны восторженно читал *Элегию*» Ахматовой (Введенский 1993, 1: 5), но, как можно догадаться, «вещь» Введенского оставила ее равнодушной, поскольку за 25 лет поэтического молчания она совершенно выпала из литературного контекста. Ср. также более приземленное свидетельство: «Узнав о моих занятиях обэриутами, Анна Андреевна попросила что-нибудь прочесть. Я прочитал “Элегию” Введенского. Оказалось, что она с давних пор знала ее от Николая Ивановича Харджиева» (Мейлах 1989а: 99).

⁵ М. Мейлах неизменно приводит первую часть примечания Друскина в своем рассказе; ср.: Введенский 1984, 2: 332.

⁶ В отличие от составителя «Полного собрания сочинений» Введенского, на эпиграф обратил внимание рецензент этого издания, который, видимо, первым уличил в «Элегии» подтексты из А. Пушкина:

Был ли Введенский по-настоящему талантлив? <...> Объем талантливости ни на каких весах не взвесить, никаким аршином не измерить. Но он был из тех, кто пытался со свойственным ему азартом в ставшую чем-то обязательным серость внести какую-то пеструю, хотя бы искусственно раскрашенную струю, пускай с налетом эксцентризма, но, во всяком случае, шедшую из самого его нутра. Для этого стоит процитировать строфу из его «Элегии» с неуместно игривым

восходит к одноименному стихотворению Бахтерева 1927 года⁷.

эпиграфом: «Так сочинилась мной элегия о том, как ехал на телеге я», несомненно намекающим на пушкинскую «Телегу жизни».

Нам восхищенье неизвестно,
 Нам туго, пасмурно и тесно,
 Мы друга предаем бесчестно,
 И Бог нам не владыка.
 Цветок несчастья мы взрастили,
 Мы нас самим себе простили,
 Нам, тем, кто как зола остыли,
 Милей орла гвоздика.

(Бахрах 1982: 5; цитата из «Элегии» приводится здесь по списку Харджиева)

Отметим также, что А. В. Бахрах был отнюдь не сторонним наблюдателем выхода сочинений Введенского и вместе с В. Ф. Марковым, видимо, единственным в «старой эмиграции», кто обратил внимание на ОБЭРИУ. См. в его предыдущем выступлении: «Может быть, не следует преувеличивать роль этого причудливого и незлобивого объединения людей, влюбленных в литературу и хотевших воспринимать революционную повседневность, отклоняясь от шор конформизма, ни на что не взирая, идти своей дорогой. Но не следует также упускать из виду, что своими причудами, чуткостью к слову как таковому, описаниями всяких “часов без стрелок” они внесли в советскую литературу что-то необычное, пускай малопривлекательное, но в каком-то смысле “немыслимое” и уже этим одним – свежее» (Бахрах 1980: 5).

⁷ В «Полном собрании сочинений» и в книге «Всё» эпиграф дается «с небольшой погрешностью»:

Так сочинилась мной элегия
 о том, как ехал на телеге я.

(Введенский 1993, 2: 68; Введенский 2011: 261)

Ср. также вызванные эпиграфом «Элегии» замечания О. Лекманова:

Мне кажется, что уже первая рифма стихотворения («элегия» – «телеге я», по утверждению Игоря Бахтерева, взятая из его стихотворения 1927 года) – не из тех, что первыми приходят в голову. Это рифма изысканная, щегольская, да и само слово «элегия» – совсем не детское. Я бы рискнул предположить, что Введенский в «Элегии» решает другую задачу, чем в большинстве своих стихотворений. Здесь, по-моему, нет «поэтической критики разума» и попытки передать ощущение «бессвязности мира и раздробленности времени». Я думаю, что Введенский в «Элегии» как бы примиряется с классической русской поэзией, выбирает традиционный для нее жанр медитативного философского раздумья над сложностью жизни <...> и, рифмуя «элегия» – «телеге я», пишет собственную вариацию на классическую тему – жизненный путь (ведь где телега, там и путь) в пушкинской огласовке – почти все исследователи указывают на связь «Элегии» с «Телегой жизни» Пушкина (Сильные тексты: Александр Введенский – «Элегия». – <https://polit.ru/articles/kultura/silnye-teksty-aleksandr-vvedenskiy-elegiya-2021-05-18/>).

Только начиная с издания «Библиотеки поэта» эта «связь» (вновь термин Хармса) с грехом пополам стала попадать в примечания⁸, хотя собственно обэриутский ракурс «Элегии» был предложен Сергеем Сигеем при первой публикации «наиболее авторитетного списка» стихотворения (Введенский 1993, 2: 198), сделанного Харджиевым⁹:

Несколько лет назад в ардесе вышел двухтомник александра введенского. это издание сделало широко доступным творчество этого великолепного поэта, друга хармса и бахтерева. к сожалению далеко не все тексты введенского даны в двутомнике в надлежащем виде. некоторые подвергнуты редактуре, другие напечатаны в неокончательных редакциях. последнее прежде всего относится к его знаменитой «элегии», написанной поэтом в 1940 году. между тем в коллекции николая ивановича харджиева хранится авторская рукопись окончательного текста этого стихотворения и благодаря его любезности здесь единственно верное чтение стиха появляется впервые... (Сигей 1985: <121>)

Ср. пушкинский пассаж с «метелью» и «телегой жизни» в наброске зачина II части «Комедии города Петербурга» Д. Хармса:

Пётр – Я город выстроил на финском побережьи
сказал: Столица будет тут. И вмиг
дремучий лес был до корня острижен
и шумные кареты часто били в окна хижин
[тогда проснувшись и лениво руки вскинув
чиновник думал: «кто бы это мог
в такую познь ехать? может лекарь
торопится в привычную метель?
но мне мешает спать проклятая телега
жена проснись!...]

(Хармс 1978–1980, 1: 182)

⁸ См.: Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994: 599. Впрочем, в последних изданиях Введенского о «связи» его «Элегии» с бахтеревской сказано пренебрежительно и не без сомнения: «Эпиграф, как утверждал И. Бахтерев, взят из его стихотворения 1927 г., также под названием “Элегия”: “Заканчиваю элегию, там – на своей телеге я”» (Введенский 2011: 325), – что явно вызвано незнакомством с публикациями литературного наследия Игоря Владимировича.

⁹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация «Транспонанса».

«Элегия» отражала литературные намерения не только Введенского, но и других обэриутов, и, несмотря на то, что деконструктивный характер их отношения к поэтическим жанрам по-настоящему обнажился у того же Хармса позже, в начале 1930-х гг., наиболее наглядно воплотившись в пародийных «Упражнениях в классических размерах» (или просто «УКР»), следы проявления интереса к классическим формам лирической поэзии можно заметить в его записных книжках времени ОБЭРИУ. Так, в самом начале января 1927 г. он записывает на обороте листка с предположительным проектом «сборника стихов Даниила Ивановича Хармса», названным «Управление Вещей. Стихи малодоступные»:

грецкая Элегия
 точные свечи сияли
 с Онегином
 вообще же это был Урал
 (Хармс 2002: 123)

«Грецкая элегия» фигурирует в той же записной книжке № 8 в «Оглавлении Шуркиной Тетради», переписанном Хармсом, видимо, весной 1927 г.¹⁰, где также упомянуто другое стихотворение, явно балладного плана, – «По небу смутному полночи» (Хармс 2002: 157). В записной книжке № 11 Хармс делает замечания о чьих-то произведениях (в том числе и о «балладе»), возможно как раз Введенского, по справедливому предположению В. Сажина:

Сидящему на желез<ном> Болване.
 туда где памятник лежит но что с тобой. В пустое небо бородат.
 Баллада. Рифмы не те.

Пир. 2 кусок замечательный.
 3 здорово! 4, 5, 6, 7, 8.

¹⁰ См. в той же записной книжке: «Странно, что со мной делается. По моему Кузмин и Юркун ничего не понимают. Их похвала Введенс<кому>. Грецкая элегия <sic!>» (Хармс 2002: 129).

Бедность.

Песня.

Разрушение Города.

чуть чуть поменьше.

Ружье и пушки заряжали¹¹.

(Хармс 2002: 209)

Введенский неслучайным образом не назвал автора эпитафии к своей «Элегии» – не столько даже по той причине, что он не мог точно припомнить строчки Бахтерева, сколько потому, что эта, условно говоря, первая обэриутская «Элегия» была на слуху у участников Объединения реального искусства и к ним приближенных. Она не только прозвучала на их гранд-представлении «Три левых часа»¹², но летом того же 1928 г. была переслана за границу (см.: Бахтерев 2001: 95–96). В оглавлении сборника обэриутских «вещей», который был составлен Введенским и Хармсом и передан последним художнику Павлу Мансурову, отправившемуся в командировку в Италию, «Элегия» шла второй по счету¹³.

Введенский явно писал свою «Элегию» как ответ на это поэтическое выступление, поэтому «пригладил» синкопирующую бахте-

¹¹ См. также в записной книжке № 17 припоминание строчек Введенского, где появляются «снег», «орлы»: Хармс 2002: 328.

¹² «Однажды Игорь Владимирович пришел ко мне в гости на Невский, д. 74, между блинной и пирожковой, – вспоминала Т. Никольская, – и принес свой рукописный сборник “Несколько страниц из книги ‘В лавке старьевщика’. Собрание разных лет. 1926 год и далее”, который я под его диктовку начала перепечатывать. Нужно было видеть выражение лица моего папы, когда Игорь Владимирович скандировал:

Где черти пыльные белеют
Роятся и во тьму глазают
Олифу пьют, свинец глотают
Болеют –
белями страдают...

Сборник состоял из прозаического фрагмента-предисловия, “Элегии”, впервые прочитанной на вечере “Три левых часа”, отрывков из стихотворной повести “Старинные Санкт-петербургские чудачки”, стихотворения “Знакомый художник”, водевиля “Древнегреческая размолвка”, стихов “Один старик вместо лампы себя повесивший”, “Определение любви”, “Деревенские картинки” и “Варвыра» (Никольская 2014: 39).

¹³ Первая книжная публикация «Элегии» Бахтерева состоялась в антологии: Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994: 370–372. В отдельном издании его поэтических произведений стихотворение ошибочно датировано «Ленинград 1928» (см.: Бахтерев 2001: 20–22).

ревскую ритмику, поменяв ее на четырехстопный ямб с женскими клаузулами и рефреном трехстопного ямба в каждой четвертой строке, а также развернул в правильные восьмистишия нарушенную строфику коды первой обэриутской «Элегии»¹⁴:

Шуми, шуми богов

стихия,

под зелень ночи

стих и я.

Шуми, шуми царей

стихия

раскладываю по обочинам

укладываю по орочинам

стихи я...

Шуми, шуми дерев

стихия,

заканчиваю элегию

я на своей телеге.

открыт собор младенцев полный

в шинке народов бродят волны.

Вокруг чуть слышный бор лежит,

а надо всем поют стрижи¹⁵.

Несмотря на свое прохладное отношение к творчеству Введенского¹⁶, Сигей опубликовал в «Транспанансе» список «Элегии»,

¹⁴ Ср. иное мнение, что «Элегия» Бахтерева «в остальном никак не соотносится с текстом Введенского» (Успенский, Файнберг 2016: 45, прим. 59).

¹⁵ Публикуемый текст «Элегии» исправлен по автографу одного из вариантов стихотворения, поскольку, как отметил позже Сигей, в «Транспанансе» стихотворение было напечатано «без заглавных букв» (Сигей 1997: 275; ср.: Бахтерев 2006: 78). По замечанию Ю. Валиевой, вариантов «Элегии» «только в домашнем архиве (не считая рукописей, подаренных автором друзьям) имеется, скажем, 9» (Валиева 2013: 373).

¹⁶ Об этом Сигей заявил в № 17 (1983) «Транспананса», попутно призвав к кардинальной переоценке репутаций обэриутов: «последнее время о них сложилось представление странное и неверное. так, считают “гением” введенского и ценят хармса. и никаких других имен. между тем, эта группировка была гораздо обширнее. <...> введенский уж<e> потому не может считаться гением, что был удивительно однообразен <...>. вообще же судить о том что такое были обэриуты игнорируя творчество бахтерева просто невозможно. с именем игоря владимировича бахтерева связана

выполненный Харджиевым. Сигей сравнивал его с разошедшейся в самиздате копией Друскина:

всего лишь девять слов заменил введенский, отделявая свою «элегию», но правка эта представляется весьма существенной, поскольку придает измененным строкам нужную ритмическую и семантическую упругость: в первой октаве в пятой строке земные потоки сменяются горными, во второй октаве воин не исполнен, но наполнен отвагой, в третьей – уборы ночей вместо несложных становятся неслышными, а в пятой строке вместо «в пустом смущенье чувства прячем» появляется смысл более точный: «в пустом сомненьи сердце прячем». точность меняет волшебные ладони коня на ладони могучие (вторая октава) и следом за днем и тенью неминуемо вызывает сновиденье (вместо неопределенного наслажденья). таков же характер и двух последних авторских поправок, из которых замена «поэта» певцом делает весь смысл стиха более всеобъемлющим (Сигей 1985: <125>).

Для удобства читателей все 9 авторских поправок были при этом любезно отмечены публикатором¹⁷. Но он не обратил внимания на некоторые биографические неувязки, связанные с этим списком.

Я предположил, что, возможно, «Элегия» была написана Введенским все же не в 1940 г., как принято считать с подачи М. Мейлаха, а на рубеже 1920–1930-х годов (см.: Устинов 2021: 56). Позже я обсудил эту версию с Жан-Филиппом Жаккаром, который посчитал ее слишком авантюрной и как контрапункт привел заслуживающий внимания довод, что это стихотворение больше

самая лучшая особенность поэтики обэриутов – ее вневременность, ибо бахтерев продолжает писать сегодня вещи начатые еще в двадцатые годы, демонстрируя тем этот важнейший феномен обэриутианум. транспонанс предполагает специальную статью о его творчестве в одном из ближайших номеров. некоторые произведения введенского так же предполагаются к печати в новом виде – в последних авторских редакциях (неизвестных в свое время составителям его двухтомника, например, знаменитая “элегия”» (Сигей 1983: <95–96>).

¹⁷ В постсоветском переиздании текст «Элегии» был исправлен по автографу, впервые опубликованному Сигеем (см.: Введенский 1993, 2: 68–69). Сопровождающая его публикацию «первопроходческая» риторика была направлена против В. Глоцера (см.: Мейлах 1989b: XVI).

подходит не столько даже позднему, но совершенно точно «зрелому» Введенскому. Понятно, что очень сложно отказываться от сложившихся представлений, к тому же неоднократно повторенных, но проставленная под списком дата «1940» – это не год создания «Элегии», а год записи текста после декламации этой «вещи» Введенским во время его визита к Харджиеву в Москву.

Это как бы подпись под портретом поэта, напоминающая строки Бориса Божнева из стихотворения «Вы – Михаила Лермонтова брат...»:

Портрет закончен... Вы на нем живой,
И Вас узнают все, кто знал когда-то...
Мне радостно, но, труд закончив свой,
Я ставлю не сегодняшнюю дату...

(Божнев 1925: 83)

Другим подтверждением может служить мемуарный рассказ Бахтерева о том, как была написана его «вещь»:

Названная «Путем в Нарым» *Элегия* была написана в 1927 году (в самом начале года, а может быть, в конце 1926 года).

Это стихотворение имело в нашем кругу успех, помню Заболоцкий позвонил мне и сказал, что это стихотворение он считает лучшим из всего, что он из моих стихов знает.

На каком-то совещании у Дани <Хармса. – А. У.> о моей *Элегии* специально взял слово Боба Левин и довольно пространно говорил.

Шура Введенский, помнится, не очень любил, когда хвалили не только его стихи. Он сказал примерно так: стихотворение хорошее, но это не обязательно *элегия*. А вот я напишу элегию, которую иначе и не назовешь. И вскоре прочитал свою *Элегию*, используя строчки из моего стихотворения в эпиграфе (Бахтерев 2001: 97).

Вряд ли Бахтерев, чьи воспоминания отличаются хронологической точностью, стал бы утверждать подобное, если бы Введенскому потребовалось 13 или 14 лет, чтобы выполнить свое обещание написать «элегия, которую иначе и не назовешь».

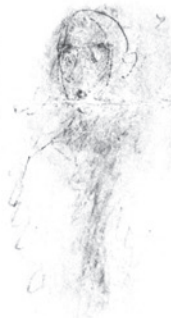
И вот список «Элегии», сделанный рукой Харджиева (см.: илл. 1–3).

Александр Введенский. 1

Элегия

Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины,
Их беззаконные аршины,
Вином налитые кубышки,
Весь мир, как снег прекрасный,
Я видел ~~ручьи~~ потоки,
И видел бурь взор жестокий,
И ветер мурмы и высокий,
И смерти нас на красный.



Вот воин, плававший на волнах,
Наполнен важного отвалом,
С морской, волнующейся влагой
Вступает в бой неравный.
Вот конь в лучи ладони
Кладет огонь лихой погоны
И пляшут сумрачные кони
В руке травы державной.

Где лес глядит в поля просторы,
В ногах неслышимые зборы,
А мы глядим в окно без гаторы
На свет звезды бездушной,
В пустом солнеч сердце ярком,
А в ночь не спим, томимся, плачем,
Мы ничего поэты не знали,
Мы жизни ждем послужной.

Илл. 1. Александр Введенский. «Элегия». Автограф 1940 г.
Николая Харджиева (Stedelijk Museum Amsterdam). Л. 1.

Нам восхищение неизвестно,
 Нам туго, пасмурно и тесно,
 Мы друга предаем безгласно
 И Бог нам не владыка.
 Уветок несчастья мы возрастим,
 Мы нас самих себе простим,
 Нам, тем, кто, как зола, остыл,
 Милей орла звезда.

Я с завистью гляжу на зверя,
 Ни мыслям, ни делам не веря,
 Улов произошла потеря,
 Борьбась нет прищипки.
 Мы всё воспримем, как паденье,
 И день, и темб, и сновиденье,
 И даже музыки чуденье
 Не извещит прищипки.

В морском прибое безпокойном,
 В песке пустынном и нестройном,
 И в женском теле непростойном
 отрады не нашли мы.

Безупречную забывши трезвость,
 Воспели смерти, воспели мерзость,
 Воспоминаем мним, как дерзость,
 За то мы и пакимы.

Летят божественные пучки,
 Их разлеваются косицы,
 Халаты их блестят, как спицы,
 В полёте жет пощадн.
 Они отсчитывают время,
 Они и спятывают время,

Пускай грекнит пустое стремя,
Сходят с ума же надо.

Пусть шлится в путь ружей хрустальной,
Пусть рысью конь спешит зеркальной,
Вдыхает воздух музыкальный,
Вдыхает ты и пленке.

Возница хмель и сварившей
В последний час зари сонливой
Гонки гонки возок ледяной,
Летит без промедлений.

Не плещут лебеди крылами
Над ~~карнавальными~~ столами,
Совместно с медными орлами
Вроз не гудит победный.

Испытавшие вдохновенные
Теперь приходят на мгновенье,
На смерти, на смерти держи равнение
Левцу и всадник бедный.

1940.

Илл. 3. Александр Введенский. «Элегия». Автограф 1940 г. Николая Харджиева (Stedelijk Museum Amsterdam). Л. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахрах А. 1980. Похвала абсурду. – Новое Русское Слово. № 25259. 27 июля. С. 5, 7.
- Бахрах А. 1982. «ОБЭРИУТ». – Новое Русское Слово. № 25913. 29 августа. С. 5.
- Бахтерев И. 2001. Вилки и стихи: Стихотворения 1926–1930 гг. / С рисунками И. Бахтерева, И. Чагиной, А.-Ры Никоновой-Таршис и послесловием С. Сигея. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante.
- Бахтерев И. 2006. Варвыра и другие стихотворения. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante.
- Божнев Б. 1925. Борьба за несуществование. Париж: [Б. и.].
- Буров С., Ладенкова Л. 2017. Александр Введенский: Равнение на смерть. СПб.: Петрополис.
- Валиева Ю. 2013. «Чей это Бахтерев?». – Новое литературное обозрение. № 123. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10672/
- Введенский А. 1984. Полн. собр. соч.: В 2-х тт. / Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Мейлаха. Анн Арбор: Ардис.
- Введенский А. И. 1993. Полн. собр. произведений: В 2-х тт. / Вступительные статьи и примечания М. Мейлаха. Сост. и подготовка текста М. Мейлаха и В. Эрля. М.: Гилея.
- Введенский А. И. 2011. Всё. М.: ОГИ.
- Викторов Б. 2009. Александр Введенский и мир, или «Плечо надо связывать с четыре». Харьков: [Б. и.].
- Голубкина-Врубель И. 1995. Н. Харджиев: Будущее уже настало. – Зеркало (Тель-Авив). № 131. <https://zerkalo-litart.com/?p=3816>
- Дуганов Р. 1997. Столп и утверждение нового искусства. – Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2-х тт. / Сост. Р. Дуганов, Ю. Арпишкин, А. Сарабьянов. Т. 1. М.: РА. С. 9–16.
- Ичин К. 2002. Заметки к разбору «Элегии» А. Введенского. – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 50. S. 217–228.
- Мейлах М. 1989а. «...Свою меж вас еще оставив тень». – Литературное обозрение. № 5–6. С. 95–100.
- Мейлах М. 1989б. К публикации «Элегии» Александра Введенского в «Новом мире». – Русская мысль. № 3781. 23 июня. Литературное приложение № 8. С. XVI.

- Никольская Т. 2014. Спасибо, что вы были. СПб.: Юолукка.
- Поэты группы «ОБЭРИУ» 1994. Поэты группы «ОБЭРИУ» / Под общей ред. М. Мейлаха. СПб.: Советский писатель. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Сигей <С.> 1983. обэриуты. – Транспонанс. № 17. С. [95–97].
- Сигей С. 1985. библиографические заметки. – Транспонанс. № 27 (март–апрель). С. 120–143.
- Сигей С. 1997. Вместо примечаний или дополнение к предисловию. – Новое литературное обозрение. № 26. С. 273–279.
- Скидан А. 2011. От редактора. – Новое литературное обозрение. № 108. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12955/
- Успенский П., Файнберг В. 2016. Как устроена «Элегия» А. И. Введенского. – Toronto Slavic Quarterly. Vol. 58. <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Uspenskij58.pdf>
- Устинов А. 2021. Место печати «Транспонанс»: К истории машинописных изданий 1980-х годов. – Транспозитика: Авторы журнала «Транспонанс» в исследованиях и материалах / Сост. и ред. П. Казарновского, А. Муждаба. СПб.: Арт-центр «Пушкинская-10». С. 31–90.
- Хармс Д. 1978–1980. Собр. произведений: В 4-х кн. / Под ред. М. Мейлаха и Вл. Эрля. Bremen: K-Press.
- Хармс Д. 2002. Записные книжки. Дневник: В 2-х кн. Кн. 1 / Подготовка текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина. Вступительная статья, примечания В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект.

REFERENCES

- Bakhrakh, A. “Pokhvata absurdu.” *Novoe Russkoe Slovo*. July 27, 1980.
- Bakhrakh, A. “OBERIUT.” *Novoe Russkoe Slovo*. August 29, 1982.
- Bakhterev, I. *Vilki i stikhi: Stikhotvoreniia 1926–1930 gg*. Drawings by I. Bakhterev, I. Chagina and A.-Ry Nikonova-Tarshis. Afterword by S. Sigei. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2001.
- . *Varvyra i drugie stikhotvoreniia*. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2006.
- Bozhnev, V. *Bor’ba za nesushchestvovan’e*. Paris: n. p., 1925.
- Burov, S. and L. Ladenkova. *Aleksandr Vvedenskii: Ravnen’e na smert’*. Saint Petersburg: Petropolis, 2017.

- Duganov, R. "Stolp i utverzhdienie novogo iskusstva." In *Stat'i ob avangarde*, by N. I. Khardzhiev. 2 vols. Vol. 1. Edited by R. Duganov, Iu. Arpishkin, and A. Sarab'ianov, 9–16. Moscow: RA, 1997.
- Golubkina-Vrubel', I. "N. Khardzhiev: Budushchee uzhe nastalo." *Zerkalo* 131 (1995): <https://zerkalo-litart.com/?p=3816>
- Ičín, K. "Zametki k razboru 'Elegii' A. Vvedenskogo." *Wiener Slawistischer Almanach* 50 (2002): 217–28.
- Kharms, D. *Sobranie proizvedenii*. 4 vols. Edited by M. Meilakh, and Vl. Erl'. Bremen: K-Press, 1978–1980.
- . *Zapisnye knizhki. Dnevnik*. 2 vols. Vol. 1. Edited by J.-Ph. Jaccard, and V. N. Sazhin. Prefaced and annotated by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- Meilakh, M. "...Svoiu mezh vas eshche ostaviv ten'." *Literaturnoe obozrenie* 5–6 (1989): 95–100.
- . "K publikatsii 'Elegii' Aleksandra Vvedenskogo v 'Novom mire'." *Russkaia mysl'. Literaturnoe prilozhenie*. June 23, 1989.
- Nikol'skaia, T. *Spasibo, chto vy byli*. Saint Petersburg: Iuolukka, 2014.
- Poety gruppy "OBERIU"*. Edited by M. Meilakh. Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia. Saint Petersburg: Sovetskii pisatel', 1994.
- Sigei, [S.] "oberiuty." *Transponans* 17 (1983): 95–97.
- Sigei, S. "bibliograficheskie zametki." *Transponans* 27 (March–April 1985): 120–43.
- . "Vместo primechanii ili dopolnenie k predisloviu." *Novoe literaturnoe obozrenie* 26 (1997): 273–79.
- Skidan, A. "Ot redaktora." *Novoe literaturnoe obozrenie* 108 (2011): https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/108_nlo_2_2011/article/12955/
- Uspenskii, P. and V. Fainberg. "Kak ustroena 'Elegiia' A. I. Vvedenskogo." *Toronto Slavic Quarterly* 58 (2016): <http://sites.utoronto.ca/tsq/58/Uspenskij58.pdf>
- Ustinov, A. "Mesto pečati 'Transponans': K istorii mashinopisnykh izdanii 1980-kh godov." In *Transpoetika: Avtory zhurnala "Transponans" v issledovaniakh i materialakh*. Edited by P. Kazarnovskii, and A. Muzhdaba, 31–90. Saint Petersburg: Art-center "Pushkinskaia-10," 2021.
- Valieva, Iu. "Chei eto Bakhterev?" *Novoe literaturnoe obozrenie* 123 (2013): https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/123_nlo_5_2013/article/10672/

- Viktorov, B. *Aleksandr Vvedenskii i mir, ili "Plecho nado sviazyvat' s chetyre."* Kharkiv: n. p., 2009.
- Vvedenskii, A. *Polnoe sobranie sochinenii*. 2 vols. Prefaced, edited and annotated by M. Meilakh. Ann Arbor: Ardis, 1984.
- . *Polnoe sobranie proizvedenii*. 2 vols. Prefaced and annotated by M. Meilakh. Edited by M. Meilakh, and V. Erl'. Moscow: Hylaea, 1993.
- . *Vse*. Moscow: OGI, 2011.